

А. К. ЗВАГОЛЬСКАЯ

Санкт-Петербургский
государственный университет

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В «БУКОЛИКАХ» КАЛЬПУРНИЯ СИЦИЛИЙСКОГО

В статье анализируется вторая и четвертая буколики Кальпурния в свете отражения в них его эстетических взглядов. Особое внимание обращено на моменты, которые могут быть истолкованы как автобиографические. В итоге личность Кальпурния приобретает большую определенность.

Ключевые слова: Кальпурний, Вергилий, Коридон, личность автора, буколика, эклога, новаторство.

A. K. ZVAGOLSKAYA

St Petersburg State University

THE AUTHOR'S PERSONALITY IN THE ECLOGUES OF CALPURNIUS SICULUS

The paper analyzes the Eclogues II and IV of Calpurnius Siculus in the light of his aesthetic concepts. The focus lies on the aspects that could be interpreted as autobiographical. Gradually the personality of Calpurnius comes into view with more clearness.

Keywords: Calpurnius, Virgil, Corydon, author's personality, bucolic, eclogue, innovation.

О поэте Кальпурнии известно мало. По косвенным данным его творчество датируют I в. н. э., однако ни один античный источник не сообщает ни о времени, когда он жил, ни о месте рождения, ни о его социальном статусе.

Имя автора, приведенное в манускриптах, и текст стихов — единственное, чем мы сейчас располагаем¹.

¹ Об этом см.: [Elefante, 2001].

Семь стихотворений Кальпурния оформлены как единый сборник, в котором организующую роль играют буколики политические, т. е. связанные с императором, — первая, четвертая и седьмая. В них фигурирует пастух Коридон, который, по-видимому, является в ряде аспектов отражением самого автора.

О персонаже Коридоне из стихов Кальпурния известно следующее:

Tu nostras miseratus opes docilemque iuventam
hiberna prohibes ieiunia solvere fago² (IV, 34–35)

«Он очень молод и беден, но имеет богатого покровителя по имени Мелибей»³.

«Именно ты, проникнувшись состраданием к моей бедности и способной юности, не допускаешь, чтобы [я] удовлетворял голод в зимнюю пору⁴ буковым зернышком», — говорит Коридон с благодарностью Мелибею, который, как оказывается, близок к самому императору:

«Fer, Meliboe, deo mea carmina: nam tibi fas est sacra Palatini penetralia visere Phoebi» (IV, 158–159)

«Отнеси, Мелибей, мои песни богу! Ибо у тебя есть божественное право лицезреть святыни палатинского Феба изнутри».

Фигура Мелибея как покровителя поэтического таланта вызывает в памяти образ Гая Цильния Мецената, чья поддержка некогда сделала талантливого мантуанца Вергилия одним из первых поэтов Рима, а положение Коридона, таким образом, имплицитно сравнивается с ситуацией Вергилия. Вероятно, именно таких ассоциаций и добивается Кальпурний. Благодетель Коридона спас его от необходимости покинуть родину:

...ultima nuper litora terrarum, nisi tu, Meliboe, fuisses,
ultima visuri (IV, 38–40)

² Латинский текст цит. по изд.: [Korzeniewski, 1971, S. 10–73].

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

⁴ «Hiberna ieiunia» — букв. «зимний голод».

«Если бы не было тебя, Мелибей, [еще] недавно я был бы готов увидеть столь далекие берега земли — столь далекие!»

Это перекликается с судьбой Вергилия, который благодаря своему творчеству смог остаться на отцовской земле, о чем иносказательно говорится в его первой и девятой эклогах (см. Verg. Ecl. I, 1–10; IX, 1–10).

Коридону не пришлось уехать на край света, за это он благодарит Мелибея и говорит, что хотел бы иметь «in montibus istis» (IV, 153, «в этих горах»), т. е. на итальянской земле, дом и пастбища. Коридон стремится стать таким великим поэтом-пророком, как некий Титир, и, распрощавшись с крестьянской долей, воспеть оружие. Сравнивая Мелибея с покровителем Титира, Коридон говорит:

«Tu mihi talis eris, qualis qui dulce sonantem Tityron e silvis dominam deduxit in urbem ostenditque deos et „spreto“ dixit „ovili, Tityre, rura prius, sed post cantabimus arma“» (IV, 160–163)

«Ты для меня будешь таков, каков тот, кто вывел сладко поющего Титира из лесов в Город-господин и показал ему богов и сказал: „Титир, отвергнув *овчарню*, сначала мы будем петь *поля*, но затем *оружие!*“»⁵

Коридон восхищен юным императором, недавно пришедшим к власти, который представляется ему богоподобным, и пастух мечтает, чтобы тот услышал его стихи. Коридон наблюдал игры в замечательном по своим размерам и технической оснащенности амфитеатре, на которых присутствовал и сам император, правда, пастух смог его увидеть лишь издали (Calp. VII, 79–82).

Нельзя утверждать, что абсолютно все эти факты автобиографичны.

Попытки отождествить действующих лиц, выведенных в «Буколиках» Кальпурния, с реальными личностями делались неоднократно⁶, однако идентификаций оказалось так много, что к ним стоит относиться с осторожностью.

⁵ Ср. «...cecini pascua rura duces» (Suet. Verg. 36), «Arma virumque cano» (Verg. Aen. I, 1).

⁶ О версиях того, кто есть кто в «Буколиках» Кальпурния, см.: [Hermann, 1952; Calpurnius, 1991, p. XXIV–XXVIII].

Тем не менее далеко не все, что связано с Коридоном, является художественным вымыслом. Под именем Титира, конечно же, имеется в виду Вергилий⁷, чей образ в мифологизированном описании Кальпурния напоминает образ Орфея⁸:

Ille fuit vates sacer et qui posset avena
praesonuisse chelyn, blandae cui saepe canenti
adludere ferae, cui substitit advena quercus.
Quem modo cantantem rutilo spargebat acantho
Nais et implicitos comebat pectine crines (IV, 65–69)

«Он [Титир] был пророком, вдохновенным свыше, и тем, кто был способен свирелью заглушить лиру, [тем,] к кому во время игры часто дружелюбно ласкались дикие звери, [тем,] к кому, сойдя со своего места, [подходил и перед кем] останавливался дуб, [тем,] кого, лишь только он начинал петь, Наяда начинала осыпать золотисто-красным акантом и кому начинала причесывать гребнем спутавшиеся кудри».

В этих стихах, на мой взгляд, выражена творческая и идейная установка Кальпурния: пастушескую свирель он противопоставляет лире, инструменту высокого искусства. Он усиливает контраст выбором лексики: *avena* — ‘стебель овса’, *chelys* — ‘черепаховая лира’, греческое слово с соответствующим окончанием *-уп*, в то время как существовало более привычное латинское название лиры *testudo*.

Восхищение Коридона Титиром (т. е. Вергилием) неподдельно и выражает чувства Кальпурния, который подхватывает встречающийся у Вергилия мотив поэтического преемства. Так, Коридон получает свирель, которой некогда владел Титир (IV, 62). Коридон-Кальпурний, хотя с опасением⁹, но полный юношеских надежд¹⁰

⁷ Об элементах автобиографичности в «Буколиках» Вергилия см.: [Когеняк, 2003].

⁸ Подобные черты мифического Орфея, который своей игрой зачаровывал диких животных и растения, описаны у многих авторов. Например, о способности Орфея привлекать к себе деревья музыкой см.: Verg. Ecl. III, 46; VI, 70–71; Hor. C. I, 12. 7–12; Ovid. Met. X, 88–106 etc.

⁹ «Magna petis, Corydon, si Tityrus esse laboras» (Calp. IV, 64, «На великое притязашь, Коридон, если ты стараешься стать Титиром»).

вступает в роль преемника Титира-Вергилия, равного лишь мифологическим певцам. Приписывая способности Орфея Вергилию, Кальпурний уравнивает мифологического героя и буколического поэта времен Августа, тем самым осуществляя желание Вергилия, сказавшего «sit Tityrus Orpheus» (Verg. Ecl. VIII, 55).

Вергилий, его судьба и поэзия прямо или косвенно отразились в сознании Кальпурния и в его творчестве. Он называет Вергилия не только «vates sacer» (IV, 65, «святой поэт-пророк»), но и «deus» (IV, 70, «бог»), причем причисление Вергилия к богам предшествует у Кальпурния апофеозу императора, которого Кальпурний тоже называет богом (например: IV, 100).

Кальпурний преклоняется перед Вергилием, «secinit qui primus in istis / montibus Hyblaea modulabile carmen avena» (IV, 62–63, «который первым в этих горах сыграл на гиблейской свирели певучие стихи», т. е. стал сочинять буколические произведения на римской земле. «In montibus istis» противопоставлены «in montibus vestris» из десятой эклоги Вергилия, где речь идет о горах Аркадии. Вергилий вкладывает в уста Галлу фразу о превосходстве греческих певцов-аркадцев над всеми другими (см. Verg. Ecl. X, 31–33). Кальпурний еще раз противопоставляет римскую поэзию греческой, отдавая предпочтение национальному опыту создания буколик.

Далее уже в другом контексте Коридон, жалуясь на бедность, говорит Мелибею, что его стихи звучали бы лучше, если бы он имел «in montibus istis» (IV, 153) — опять «в этих горах» — своих Ларов: собственный дом и землю. В данном случае и для Коридона (т. е. Кальпурния) очень важно, что его Лары будут именно в том месте, где впервые великий — для него — Титир (т. е. Вергилий) исполнил свои пастушеские песни.

Как тут не вспомнить Силия Италика, современника Кальпурния, который, будучи поклонником Цицерона и Вергилия, выразил свою любовь к этим кумирам, купив виллу первого и землю, где был похоронен второй (Mart. XI, 48; 50 [49]).

¹⁰ «Sed nec mihi Phoebus / forsitan abnuerit» (Calp. IV, 70–71, «Но, может быть, и мне не откажет Феб [в таланте]»).

Коридон неоднократно сетует на свою бедность. Например, в четвертой буколике олицетворенная Бедность дергает его за ухо и приговаривает «Об овчарнях заботься!» (IV, 155–156).

Но действительно ли Кальпурний был так беден? У Катулла, Тибулла и других поэтов бедность была лишь литературной маской. Кальпурний мог стать клиентом не из-за материальной нужды, но — подобно поэту более позднего времени, Марциалу, — из желания прославиться и добиться признания в высших кругах. Как он сам говорит, его патрон вхож в императорский дворец (IV, 158–159), а Кальпурний делает все возможное, чтобы его стихи стали известны императору. Его мечта — войти в окружение императора, стать придворным поэтом.

Из содержания той части четвертой буколики, где сам Коридон рассказывает о себе или Мелибей о нем, представляется правдоподобным, что Кальпурний избрал путь профессионального поэта, хотя произошло это не сразу. Именно приход к власти нового императора снял все его сомнения:

Haec ego, confiteor, dixi, Meliboee, sed olim.
Non eadem nobis sunt tempora, non deus idem.
Spes magis arridet (IV, 29–31)

«Да, я признаю, что я говорил это, Мелибей, но прежде. [Уже] не те же самые времена для меня, не тот же самый бог. Надежда улыбается шире».

На прошлые сомнения, по-видимому, указывает эпизод о наставлениях Коридона своему брату Аминту:

Frangere, puer, calamos et inanes desere Musas (IV, 23)
«Сломай свирель и оставь бесполезных Муз!»

Поэзия Коридона была бесполезна, потому что не могла его прокормить. Так было до встречи с Мелибеем. Единственное средство существования для Кальпурния — его стихи. Это означает зависимость от их успеха у образованных и влиятельных людей. По всей вероятности, нищета Кальпурния — преувеличение.

А вот зависимость от некоего Мелибея, кем бы он ни был, — факт его биографии. По своему социальному статусу Кальпурний — клиент, однако клиент очень высокопоставленной особы.

Что касается края света, куда должен был против своей воли уехать Кальпурний, если его отождествлять с Коридоном, то речь идет об Испании, так как Кальпурний использует топоним — название реки Бетис (ныне Гвадалквивир):

...liquidis ubi cursibus ingens
dicitur occiduas impellere Baetis harenas (IV, 41–42)

«...где, говорят, могучий Бетис гонит водными потоками пески на запад¹¹».

У Кальпурния Испания описана как страна дикая, опасная из-за враждебных мавров (IV, 41).

Но действительно ли Испания во времена Кальпурния была такая дикая? Страбон, живший незадолго до Кальпурния, говорит о полной романизации населяющих Бетику¹² испанцев, которые даже забыли родной язык (Strab. III, 2, 153 (151)).

Кальпурний часто повторяет, что это место — край земли¹³. Он переплетает реальную географию с мифом: там раскинулись пастбища Гериона (IV, 42). Упомянув Гериона, он отсылает к мифологическому краю земли, самую дальнюю географическую точку, которой достиг Геракл, совершая свои подвиги. Речь идет о Геркулесовых столпах у входа в Гибралтарский пролив, состоящих из двух возвышенностей на берегах Африки и Европы. Одна из возвышенностей — гора Calpe (ныне исп. Peñón de Gibraltar, Гибралтарская скала) находится на юге Испании.

Кальпурний для описания далекого края использует определенные детали. Они уже встречались у Вергилия, у которого похожий эпизод есть в четвертой книге «Георгик» (см. Verg. Georg. IV,

¹¹ Букв. «гонит западные пески».

¹² Hispania Baetica или просто Baetica — область в бассейне Бетиса, большая часть которой соответствует нынешней Андалусии.

¹³ Повторенному выражению «extremo in orbe» (IV, 43 и 49) будет противопоставлено «in istis montibus» (IV, 62–63) и «in montibus istis» (IV, 153).

287–293). Это яркая картина местности, где также присутствует враждебный народ — персы — и протекает величественная река — Нил¹⁴.

Бывал ли Кальпурний сам в Испании? Сказать трудно. Во всяком случае, при ее описании он использует слово *dicitur*, т. е. передает с чужих слов.

Пассаж Кальпурния об Испании похож на топос, поскольку повторяет схему вергилиевского пассажа о далекой стране. Но он включен в личностный контекст, ведь Кальпурний обращается к покровителю, в существовании которого нет сомнений.

А теперь попробуем представить, каким человеком был Кальпурний в жизни и каковой он видел свою роль в буколическом жанре. На последний вопрос можно найти ответ во второй буколике Кальпурния, которая во многом ориентирована на третью буколику Вергилия, завершающуюся стихами:

Claudite iam rivos, pueri; sat prata biberunt (Verg. Ecl. III, 111)

«Закройте, мальчики, каналы, луга утолили жажду».

На что Кальпурний отвечает призывом открыть каналы.

...reclude canalem,
et sine iam dudum sitientes irriget hortos (II, 96–97)

«...открой канал и позволь, чтобы он орошил давно жаждущие сады».

Это метафора. На мой взгляд, слова, обозначающие льющуюся воду (*fontes, canales*), у Кальпурния часто связаны с творчеством¹⁵.

¹⁴ Ср. «ingens Baetis» (IV, 41–42) — «stagnantem Nilum» (Verg. Georg. IV, 288), «trucibusque obnoxia Mauris» (IV, 40) — «vicinia Persidis urget» (Verg. Georg. IV, 290), «occiduas harenas» (IV, 42) — «nigra harena» (Verg. Georg. IV, 291).

¹⁵ «„Accipe“ dixerunt Nymphae „puer, accipe fontes: / iam potes irriguos nutrire canalibus hortos“» (II, 34–35, «Возьми, — сказали нимфы, — мальчик, возьми воды из источников: теперь ты можешь питать, орошая, сады из каналов»). Эти стихи параллельны реплике Ида (II, 30–31), в которой Сильван говорит маленькому мальчику, будущему пастуху, что для него уже растет дудочка из тростника, предсказывая ему творческое будущее. Обе реплики

Есть случай, когда Кальпурний использует слово *canales* даже вместо «свирель»¹⁶. Если Вергилий призывает оставить пение, прекратить творческий «излив», то Кальпурний позволяет источникам изливаться, готов дать волю вдохновению.

Он человек — увлеченный, поэт — опытный. Его буколики написаны с большим искусством: детали тщательно отобраны, все они проработаны, размер всюду безукоризнен. Поэт писал с явным удовольствием. Его панегирик императору выдержан в традициях жанра. Но его похвалы искренни, пишет он без принуждения, что характеризует Кальпурния как человека эмоционального и восторженного, впрочем, это может быть свойством молодости. Он живет настоящим и с оптимизмом смотрит в будущее.

Прекрасно образованный, Кальпурний не выставляет свою ученость на первый план. Он готов экспериментировать, открыт новому. Он пытается найти в традиционном жанре буколики еще не открытые возможности, сочетая элегию, дидактику, эпические элементы и даже эпитафию шуточного характера, что тоже необычно для жанра буколики. Итальянский исследователь Э. Маньели изобрел слово для обозначения экспериментирования Кальпурния — «*bucolicizzare*» (см.: [Magnelli, 2004, p. 11]), что можно перевести как «обуколичивать». Но при этом чувство меры не изменяет поэту, и «обуколичивание» происходит изящно, нередко пасторальные сюжеты из произведений других жанров Кальпурний возвращает на причитающееся им место — в буколику¹⁷. В его стихотворени-

метафорически указывают на источники вдохновения. Кроме того, связь источника с поэзией свойственна не только представлениям Кальпурния, но отражена в широкоизвестном мифе о Гиппокрене. Музыкальные встречи пастухов и их размышления о поэзии происходят у Кальпурния непременно у воды (I, 11–12; II, 5–7; IV, 1–6).

¹⁶ «*Nos potius, magis hos calamos sectare: canales / et preme, qui dignas secinerunt consule silvas*» (IV, 76–77, «К этой свирели лучше, больше к этой свирели стремись и на отверстия этой свирели нажимай, которая воспела леса, достойные консула»). Ч. Кин в своем издании «Буколик» Кальпурния отмечает единичность такого использования слова *canales*: «*Canales*, „reed-pipe“, a meaning found, apparently, only in this passage» [Calpurnius, 1887, p. 102].

¹⁷ Например, описание оленя из эпоса (Verg. Aen. VII, 483–492) Кальпурний переносит в подходящий буколический контекст (VI, 32–45).

ях появляются мотивы, диссонирующие с канонem жанра: его пастухи готовы променять скучную, патриархальную жизнь в деревне на развлечения большого города (см. VII, 16–18)¹⁸.

Кальпурний — новатор. Экспериментируя, он модернизирует уже ставший традиционным жанр. Выражая свое преклонение перед Вергилием и надевая маску скромности, он, тем не менее, пытается с ним соревноваться и жаждет не меньшей славы.

ЛИТЕРАТУРА

- Calpurnius S.* Bucoliques. Pseudo-Calpurnius Eloge de Pison / texte ét. et trad. par J. Amat. Paris : Les Belles Lettres, 1991.
- Calpurnius S.* The eclogues / ed., introd., comm. by C. H. Keene. London : Bristol Classical Press, 1887 (repr. 1996).
- Effe B., Binder G.* Antike Hirtendichtung : Eine Einführung. Düsseldorf ; Zürich : Artemis und Winkler, 2001.
- Elefante M.* Il nome del poeta bucolico Calpurnio : Testimonianze epigrafiche sul cognomen Siculus e sul nomen Siculius // Mnemosynon. 2001. Vol. 19. P. 185–193.
- Hermann L.* Les pseudonyms dans les Bucoliques de Calpurnius Siculus // Latomus. 1952. Vol. 11. P. 27–44.
- Korenjak M.* Tityri sub persona : Der antike Biographismus und die bukolische Tradition // A&A : Antike und Abendland. 2003. Bd 49. S. 58–79.
- Korzeniewski D.* Hirtengedichte aus Neronischer Zeit : in 2 Bdn / hrsg. u. übers. v. D. Korzeniewski. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1971. Bd 1.
- Magnelli E.* Tradizione bucolica e programma poetico in Calpurnio Siculo // Dictynna : revue de poétique latine. № 1. 2004. URL: <http://dictynna.revues.org/168> (дата обращения: 21.09.2015).

REFERENCES

- Calpurnius S.* *Bucoliques. Pseudo-Calpurnius Eloge de Pison*, texte ét. et trad. par J. Amat. Paris, Les Belles Lettres, 1991.
- Calpurnius S.* *The eclogues*, ed., introd., comm. by C.H. Keene. London, Bristol Classical Press, 1887. (Repr. 1996).
- Effe B., Binder G.* *Antike Hirtendichtung: Eine Einführung*. Düsseldorf; Zürich, Artemis und Winkler, 2001.

¹⁸ Г. Биндер называет вследствие этого седьмую буколику Кальпурния антибуколикой [Effe, 2001, S. 108].

- Elefante M. Il nome del poeta bucolico Calpurnio: Testimonianze epigrafiche sul cognomen Siculus e sul nomen Siculius. *Mnemosynon*. 2001. Vol. 19. Pp. 185–193.
- Hermann L. Les pseudonyms dans les Bucoliques de Calpurnius Siculus. *Latomus*. 1952. Vol. 11. Pp. 27–44.
- Korenjak M. Tityri sub persona: Der antike Biographismus und die bukolische Tradition. *A&A: Antike und Abendland*. 2003. Bd 49. S. 58–79.
- Korzeniewski D. *Hirtengedichte aus Neronischer Zeit*: in 2 Bdn, hrsg. u. übers. v. D. Korzeniewski. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1971. Bd 1.
- Magnelli E. Tradizione bucolica e programma poetico in Calpurnio Siculo. *Dictinna: revue de poétique latine*. № 1. 2004. URL: <http://dictynna.revues.org/168> (21.09.2015).
-

Звагольская Алла Константиновна

аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета

E-mail: allazvagolskaya@mail.ru